

СОДЕРЖАНИЕ

Философские интермедиции 7

I Метафизика	15
II Логика	37
III Эпистемология: теория познания	65
IV Этика	95
V Философия религии	117
VI Экзистенциализм	137
VII Философия языка	151
VIII Социальная и политическая философия	171
IX Теория относительности	201
X Метафилософия	213

Весь этот джаз: Заключение 219

Великие моменты в истории философии 221

Глоссарий 226

Благодарности 234

Философские интермедии

Введение

Димитрий: Если Атлант держит мир на своих плечах,
то что держит Атланта?

Тассо: Атлант стоит на спине у черепахи.

Димитрий: А на чем тогда стоит черепаха?

Тассо: На спине другой черепахи.

Димитрий: А та черепаха — она на чем стоит?

Тассо: Мой милый Димитрий, там, внизу, этих черепах
без счета!

Этот отрывок из диалога древних греков прекрасно иллюстрирует философскую концепцию бесконечного рецесса, всплывающую всякий раз, когда заходит разговор о первопричине всего сущего — жизни, Вселенной, времени и пространства и, что самое важное, создателя всего этого. Кто-то должен был создать самого Создателя, так что на каком-то парне — или черепахе — дело не может

остановиться. Равно как и на следующем за ним существование. Создателей должно быть без счета — там, внизу, или, скорее, наверху: наверное, это все же более подходящее направление для поисков создателей.

Если вы уже поняли, что концепция бесконечного регресса быстро уводит вас в никуда, вы можете стать сторонником доктрины *creatio ex nihilo* — сотворения из ничего. В несколько ином контексте ее неплохо изложил Джон Леннон, заявив: «До Элвиса ничего не было».

Но давайте вновь прислушаемся к старому Тассо. Его аргумент: «Там, внизу, этих черепах без счета!» — не только дает ответ на вопрос, но и звучит, как развязка анекдота. Па-ба-ба-бам!

Это неудивительно. Фабула и развязка анекдота очень похожи на построение и выводы философских концепций. Они схожим образом путают наше сознание. Ведь философия и анекдот растут из одного стремления: запутать наши представления об окружающих вещах, вывернуть наш мир наизнанку и вытащить наружу тайную, часто неприятную, правду о жизни. То, что философы называют «озарением», гангстеры зовут «хорошей шуткой».

Прочтите, к примеру, следующий известный анекдот. На первый взгляд он кажется очаровательной глупостью, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что он затрагивает наиболее актуальный вопрос британской эмпирической философии — вопрос о том, на какие источники информации мы склонны полагаться:

Придя домой, Морти обнаруживает свою жену в постели со своим лучшим другом Лу. Морти изумленно открывает рот — и тут голый Лу, выскачивая из постели, говорит:

— Морти, друг! Прежде, чем ты что-нибудь скажешь, признайся, чему ты веришь — мне или своим глазам?

Подвергнув сомнению ценность сенсорного опыта, Лу поднимает вопрос о том, чему можно доверять и почему. На самом ли деле наблюдать за жизнью самому — к примеру, фиксируя происходящее посредством зрения — более надежно, нежели проявить смелость и довериться восприятию Лу?

Вот еще один пример философской интермедиции. На сей раз он касается доказательства по аналогии, основанного на том, что у двух схожих результатов должна быть сходная причина:

Девяностолетний стариk говорит своему врачу:

— Доктор, моя восемнадцатилетняя жена ждет ребенка!

— Послушайте, — говорит врач в ответ. — Я хочу рассказать вам историю. Как-то раз один человек отправился на охоту, однако по ошибке вместо ружья взял с собой зонтик. Когда на охоте на него неожиданно напал медведь, он выхватил зонтик, выстрелил и убил хищника.

— Это невозможно! — заявляет пациент. — Должно быть, выстрелил кто-то другой?

— Вот и я о том же! — восклицает доктор.

Невозможно найти лучшую иллюстрацию доказательства по аналогии — философской уловки, постоянно — и ошибочно — используемой в спорах о Высшем

Разуме (мол, если у нас есть глаза, которыми вы смотрите в небеса, значит, в небесах имеется Создатель глаз).

Мы можем продолжать бесконечно. И сейчас мы этим займемся, последовательно двигаясь от агностицизма к дзен-буддизму, герменевтике — далее везде. Мы покажем вам, как анекдоты проливают свет на философские концепции, и как много анекдотов содержат в себе поразительные философские откровения. Постойте, кажется, эти два утверждения — об одном и том же? С вашего позволения, мы к этому еще вернемся.

Студенты, забредающие на занятия по философии, обычно надеются узнать что-нибудь, к примеру, о смысле жизни и всего прочего. Однако обычно на кафедру злезает какой-то помятый человечек в твидовом костюме, который сидит на нем, как на чучеле, и начинает вещать о смысле понятия «смысл».

«Начнем сначала, — говорит он. — Перед тем, как мы попытаемся найти ответ на тот или иной вопрос, мы должны разобраться, в чем смысл вопроса». Поначалу мы слушаем неохотно, однако вскоре становится понятно, что этот парень говорит чертовски интересные вещи!

Таковы они — философия и философы.

Вопросы порождают новые вопросы, из которых, в свою очередь, вырастают новые множества вопросов. Там, внизу, этих вопросов без счета!

Мы можем начать с базовых вопросов — таких, как «В чем смысл всего сущего?», «Есть ли Бог?», «Как быть честным с самим собой?» и «Похоже, я ошибся аудиторией?» Однако вскоре мы понимаем, что в поисках ответов на них нам предстоит найти ответы еще на

целую кучу вопросов. Именно этот процесс дал жизнь бесчисленному множеству философских дисциплин, каждая из которых ищет ответы на собственный Главный Вопрос, для чего ей необходимо разрешить — или хотя бы попытаться разрешить — множество иных вопросов, составляющих его Главного. Итак, у вас есть вопросы?

Получается, вопрос «В чем смысл всего сущего?» относится к ведению метафизики, а вопрос «Есть ли Бог?» — к дисциплине, называемой философией религии. На вопрос «Как быть честным с самим собой?» пытается дать ответ экзистенциализм, а «Похоже, я попал не в ту аудиторию?» можно отнести к ведению новой философской дисциплины — метафилософии, которая пытается ответить на вопрос «Что такая философия?». Таким образом, различные сферы философии занимаются разными типами вопросов и идей.

Мы не стали строить эту книгу в хронологическом порядке. Вместо этого мы предпочли организовать содержание в соответствии с теми вопросами, которые волновали нас к моменту посещения того самого первого занятия по философии, и привязать их к соответствующим философским дисциплинам. Это построение кажется особенно логичным потому, что, как оказалось, понятия, охватываемые той или иной дисциплиной, иллюстрируют отдельная группа анекдотов (чистая случайность? Или за этим все же стоит некий Разумный замысел?) Есть и более значительная причина, придавшая книге ясность. Дело в том, что, когда мы вышли с того занятия по философии, мы были совершенно смущены и сбиты с толку, пребывая в полной уверенности, что нашим головам никогда не вместить все эти зубодробитель-

ные концепции. Именно в этот момент к нам подошел студент-старшекурсник и рассказал тот самый анекдот про Морти, который, явившись домой, обнаружил свою жену в объятиях своего друга Лу.

— Это и есть философия! — заявил он.

Мы назвали это философской интермедией.

Томас Каткарт
Дэниел Клейн

I

Метафизика

Главные вопросы метафизики: что есть бытие?

Какова природа реальности? Обладаем ли мы свободой воли? Сколько ангелов могут танцевать на конце иглы? Сколько человек требуется, чтобы поменять лампочку?

Димитрий: Тассо, в последнее время меня беспокоит один вопрос.

Тассо: И какой же?

Димитрий: В чем смысл всего?

Тассо: Чего именно — всего?

Димитрий: Ну, всего — жизни, смерти, любви — всей этой житейской начинки?

Тассо: Почему ты думаешь, что во всем этом есть какой-то смысл?

Димитрий: Потому что его не может не быть. Если бы его не было, это означало бы, что...

Тассо: Что?

Димитрий: Мне нужно выпить. Рюмку анисового ликера.

Телеология

Есть ли цель у существования вселенной?

Если верить Аристотелю, все на свете имеет собственную цель, которой необходимо достигнуть. У желудя, к примеру, есть цель — стать дубом. Это его «предназначение». Цель есть и у птиц, и у пчел. В Бостоне, говорят, цель есть даже у бобов. Это часть мироустройства.

Если вам эти рассуждения кажутся слишком абстрактными, — предлагаем анекдот, в котором мистер Голдштейн объясняет все это земным, доступным языком.

Мистер Голдштейн шел по улице с двумя внуками. Шедший навстречу знакомый спросил, сколько лет мальчикам.

— Врачу — пять, а юристу — семь, — ответил мистер Голдштейн.

Есть ли цель у человеческой жизни?

Аристотель полагал, что да. Он считал, что цель человека — достичь счастья, хотя другие философы на протяжении всей человеческой истории оспаривали это утверждение. Семью столетиями позже святой Августин заявлял, что цель человеческой жизни — возлюбить Бога. Если же верить экзистенциалистам XX столетия, к примеру, Мартину Хайдеггеру, цель человека — жить, не отрицая истинной человеческой природы, в особенностях — смерти. Счастье? Как мелко!

Анекдоты о смысле жизни множились наперегонки со смыслами, которых, в свою очередь, оказывалось тем больше, чем больше становилось философов.

Один человек, искавший смысл жизни, проведал, что самый мудрый гуру во всей Индии живет на вершине самой высокой индийской горы. Он шел через города и холмы и в конце концов добрался до знаменитой горы. Склоны ее были чрезвычайно крутые, он не один раз срывался и падал. Когда он достиг вершины, то весь был покрыт синяками и ссадинами. И вот, наконец, он увидел гуру, сидевшего, скрестив ноги, на пороге собственной пещеры.

— О, мудрый гуру! — воскликнул путник. — Я пришел, чтобы узнать у тебя тайну бытия.

— Ах, да, тайна бытия, — произнес гуру. — Тайна бытия — чайная чашка.

— Чайная чашка?! Я проделал весь этот путь сюда, чтобы узнать смысл жизни, а вы говорите мне, что это — чайная чашка!

— А может, и не чайная чашка, — пожал плечами гуру.

Таким образом, гуру признал, что формулировать смысл жизни — дело скользкое. И не каждому дано наполнить эту чашку чаем.

Есть разница между смыслом жизни — тем, что предназначено людям, — и целями, которые ставит перед собой каждый индивидуум. Как вы думаете, Сэм — дантист из следующего анекдота — действительно ищет универсальный смысл бытия или просто решает личные проблемы? По крайней мере, его матушка точно имеет свои собственные соображения насчет смысла его жизни.

Сэм Липшиц, дантист из Филадельфии, отправился в Индию в поисках смысла жизни. За несколько месяцев

его мать не получила от него ни единой весточки. В конце концов она сама полетела в Индию и спросила, где там живет главный мудрец. Ее отправили в ашрам — монастырь, где жил мудрый гуру. Там охрана сказала ей, что увидеться с мудрецом она сможет лишь через неделю, причем во время аудиенции ей разрешат сказать лишь три слова. Она ждала, тщательно готовила слова. Когда ее наконец впустили к отшельнику, она сказала:

— Сэм, возвращайся домой!

Посмотрев в словаре значение слова «метафизика», вы узнаете, что оно происходит от названия одного из сборников трактатов Аристотеля и что данный раздел философии занимается абстрактными вопросами, лежащими вне сферы научных наблюдений (часть слова «мета-» происходит от греческого слова, означающего «после» или «за»). Однако, как выясняется, в этом случае имел место казус, называемый на латыни *post hoc hokum*, или «позднейшая уловка». В реальности Аристотель не давал своему трактату название «Метафизика», да и название это не имеет никакой связи с тем, что обсуждаемые в трактате вопросы находятся за пределами научного свода знаний. На самом деле название было дано в I веке редактором сборника работ Аристотеля, и связано оно было с тем, что в сборнике данный трактат шел после — или «за» — трактатом «Физика».

Эссенциализм

Какова структура реальности? Какие характерные признаки делают вещи такими, каковы они есть? Или,

как обычно выражаются философы, какие характерные признаки делают вещи тем, чем они не являются?

Аристотель проводил различия между сущностными и акцидентными, или случайными свойствами вещей. По его мнению, сущностные свойства — те, без которых вещь не могла бы быть такой, какова она в действительности, а случайные — те, что определяют, как эта вещь будет существовать, но не что она есть. К примеру, Аристотель считал способность мыслить сущностной чертой человеческой особи. Следовательно, если Сократ — человек, значит, способность мыслить — его неотъемлемое свойство, позволяющее ему быть Сократом. Не обладая мышлением, Сократ попросту не был бы Сократом. Он не был бы даже человеком — как, в таком случае, он мог бы оставаться Сократом? С другой стороны, по мнению Аристотеля, то, что Сократ был курнос, относилось к его акцидентным свойствам. Курносость определяла то, как будет проявлять себя Сократ, но не имела отношения к тому, кем он являлся. Другими словами, отними у Сократа мышление — и он больше не будет Сократом, тогда как если бы он прибег к услугам пластических хирургов, то остался бы Сократом, подвергшимся косметической операции на носу. Это напомнило нам следующий анекдот.

Когда Томпсону исполнилось 70, он решил полностью изменить образ жизни, чтобы прожить подольше. Он сел на строгую диету, стал совершать пробежки, плавать и принимать солнечные ванны. За три месяца он похудел на 30 фунтов, его талия стала уже на шесть дюймов, а грудь, напротив, раздалась. Стройный,

гибкий и загорелый, он решил завершить создание нового облика новой спортивной стрижкой. Когда он вышел из парикмахерской, его сбил автобус. Умирая, он возопил:

— Господи, как ты мог так поступить со мной?

И тут он услышал голос откуда-то сверху:

— Честно говоря, Томпсон, я тебя не узнал.

Итак, бедняга Томпсон изменил некоторые свои акцидентные свойства, хотя мы понимаем, что по сути он остался все тем же Томпсоном. Сам Томпсон также не сомневался в этом. Оба этих условия для анекдота важны. Шутка в том, что единственным, не узнавшим его, оказался Господь Бог, которому, по идее, полагается быть всеведущим.

Различия между существенными и случайными свойствами можно проиллюстрировать целым рядом сходных анекдотов.

Эйб: Сол, я хочу загадать тебе загадку. Что это —
зеленое, висит на стенке и свистит?

Сол: Сдаюсь.

Эйб: Селедка.

Сол: Но селедка не зеленая.

Эйб: Но ее же можно покрасить в зеленый цвет!

Сол: Селедка не висит на стенке!

Эйб: Надень ее на гвоздь — будет висеть.

Сол: Но селедка не свистит!

Эйб: Правда? Значит, она висит и не свистит.

Следующая версия этого анекдота, возможно, не годится для комедийного шоу, однако на ежегодном за-

седании Американской философской ассоциации она, несомненно, позволит вам заработать несколько дополнительных очков.

Эйб: Сол, скажи, какой объект обладает следующими свойствами: зеленый цвет, расположение на стене в висячем положении и способность свистеть?

Сол: Мне не приходит в голову ничего, что удовлетворяло бы описанным условиям.

Эйб: Это селедка.

Сол: Но зеленый цвет не является свойством селедки.

Эйб: Сущностным свойством — безусловно, не является. Однако она может случайным образом обрести зеленый цвет, который в результате станет ее свойством, ведь так? Попробуй ее покрасить, и ты в этом убедишься!

Сол: Однако селедка не обладает свойством располагаться на стене в висячем положении.

Эйб: А что, если ты случайно прибьешь ее к стене?

Сол: Как можно случайно прибить к стене селедку?

Эйб: Поверь мне, все возможно. Это же философия.

Сол: Хорошо, но селедка не может свистеть, даже случайно.

Эйб: Хорошо, тогда подай на меня в суд.

Сол и Эйб поворачиваются к сидящим в зале членам Американской философской ассоциации. В аудитории царит гробовое молчание.

Сол: Эй, это что, съезд стоиков? Да Ницше
больше улыбался, когда нападал
на католическую церковь!

Иногда объект может обладать свойствами, которые на первый взгляд кажутся случайными, однако на самом деле оказываются такими лишь до определенной степени. Это иллюстрирует следующая шутка.

Почему слон — большой, серый и морщинистый?
Потому что, если бы он был маленьким, белым
и круглым, — это был бы аспирин!

Мы можем изобразить слона небольшого размера — и назовем его «маленьким слоном». Мы можем изобразить и тускло-коричневого слона, назвав его «слоном тускло-коричневого цвета». Слон, у которого нет складок на шкуре, будет назван «гладким слоном». Иными словами, такие свойства, как величина, серый цвет и морщинистость не удовлетворяют требованиям Аристотеля, определяющим, что именно является сущностью слона. Вместо этого они описывают проявления слона — как общие, так и случайные. Тем не менее из анекдота следует, что это справедливо лишь до некоторой степени. Нечто маленькое, белое и круглое, вроде аспирина, не может быть слоном, и если мы столкнемся с подобным объектом, нам не придет в голову спрашивать: «Боб, что это ты отправил в рот — аспирин или слона-мутанта?»

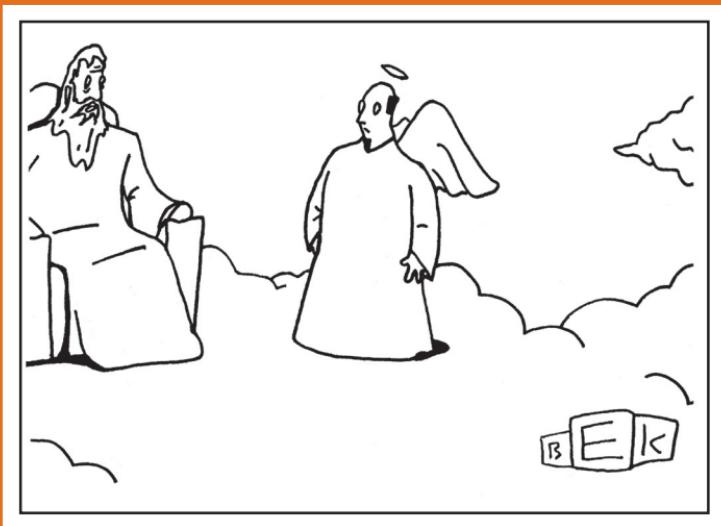
Дело в том, что величина, серый цвет и морщинистая кожа — недостаточно точные термины, чтобы их мож-

но было воспринимать как сущностные свойства слона. Лишь определенный диапазон размеров и оттенков, в ряду прочих свойств, определяет, является ли нечто слоном. А вот морщинистый слон — это то же самое, что зеленая селедка — или даже свистящая селедкой.

Рационализм

Теперь давайте сменим тему и поговорим о метафизической философской школе, ставшей мишенью для многих толп сатирически настроенных авторов. И причем, заметьте, безо всякой помощи с нашей стороны. Есть лишь одна проблема: все без исключения шутники упускали из виду главное.

Когда философ-рационалист XVII века Готфрид Вильгельм Лейбниц произнес свою знаменитую фразу: «Это лучший из возможных миров», он тут же сделался мишенью для бесконечных насмешек. Все началось в XVIII столетии — с «Кандида», чрезвычайно смешного романа Вольтера о добrosердечном юноше Кандиде и его наставнике в философских занятиях, докторе Панглоссе, в образе которого Вольтер изобразил Лейбница. В своих странствиях юный Кандид вынужден пережить порки, несправедливое наказание, эпидемии и землетрясение, в описании которого можно угадать лиссабонское землетрясение 1755 года, которое стерло город с лица земли. Однако ничто не может поколебать убежденность доктора Панглосса в том, что «все к лучшему в этом лучшем из миров». Когда Кандид хочет спасти тонущего новообращенного Якова, Панглосс останавливает его, заявляя, что Лиссабонский залив «на то и был создан, чтобы

«Неприятно признавать это, однако все на самом деле происходит безо всякой причины».

этот религиозный человек здесь утонул».

Еще два столетия спустя саркастическое отношение к рационалистичному оптимизму Лейбница усугубил мюзикл «Кандид», созданный Леонардом Бернстайном в 1956 году. В самой известной композиции мюзикла, «Лучший из всех миров», написанной на стихи Ричарда Уилбура, доктор Панглосс в сопровождении остальных персонажей восславляет войну как не понятое человечеством благо, ведь она объединяет нас всех — в качестве жертв.

Терри Сазерн и Мейсон Хоффенберг присоединились к сонму шутников, написав собственную непристойную версию «Кандида» — «Кэнди». Героиня книги — наивная юная девушка. Несмотря на то, что ее неискушенностью пользуются все встречные мужчины без исключения, она остается все такой же невинной и веселой. В 1964 году по этому произведению был снят фильм со звездным актерским составом, в котором, в том числе, сыграл философ Ринго Стэрр.

Все это очень забавно — однако, к сожалению, все без исключения авторы неверно истолковывали тезис Лейбница. Лейбниц был рационалистом, а это философское направление выбирают для себя те, кто уверен: именно разум — главный инструмент познания (в противоположность, к примеру, эмпирикам, утверждающим, что узнавать мир лучше всего при помощи чувств). Лейбниц пришел к выводу, что мы живем в лучшем из возможных миров, при помощи исключительно

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
[\(e-Univers.ru\)](http://e-Univers.ru)